

Доклад 29.

Безумие и БЕЗДНумие русскости

Петр Вячеславович Калитин

Доктор философских наук, профессор кафедры русского языка и межкультурных коммуникаций в управлении Государственного университета управления. Член Союза писателей России.

Тему доклада я специально заострил в провокационном стиле. Для чего? Чтобы сразу обозначить действительную новизну того, о чем я буду говорить.

Я специально в самом названии хотел заострить ход своей последующей мысли, безумие и безднумие. Безумие я связываю со всем вам известной традицией русской интеллигенции, которая взяла на себя очень неприличную монополию на определение русскости, особенно в виде русской идеи и даже русского Бога. И в моем контексте это и будет безумие, в каком смысле это понимать, я буду говорить дальше. А вот второе, безднумие, в данном случае обозначает бездну ума в одном слове, и, соответственно, это мой неологизм, на который я иду сознательно, не обращая внимания на понятийность того, о чем я дальше буду говорить, это моя принципиальная позиция. Потому что нынешние поголовные, тотальные, всеущие претензии на понятность философского дискурса – это для меня есть как минимум проявление того самого безумия, о котором я еще буду говорить в связи с нашей русской интеллигенцией и вообще с так называемой секулярной культурой, если выражаться деликатно. Потому что философия не может быть ясной, если это ясно, то это просветительский проект со всеми его неприятными коннотациями, со всеми его, так сказать, марксистскими выходами на так называемое дело философии и т. д. Мы этих дел философских навидались в XX веке, я сейчас не буду об этом говорить.

И вот в этом контексте, противопоставляя бездну и ум в слове безднумие, я понимаю и подчеркиваю не просто аналогию с известным выражением: «пропасть мудрости» (может, кто-то знает его), а подчеркиваю при этом антиномичность этого выражения – бездна ума. То есть в нем заложены одновременно и безумие, и бездна, и ум, три в одном, что

называется, триединство в одном. Здесь налицо тот самый антиномизм, сейчас формулирую главный свой тезис, антиномизм, без которого, я считаю, просто неадекватно и безумно говорить о русскости. И в этом плане, говоря об актуальности, мне хотелось бы вам напомнить, что в одной из своих знаковых речей наш президент очень много внимания посвятил вопросу антизападной установки современной идеологии, современного, так сказать, менталитета России. Примечательно, что в качестве позитива он выдвинул две, там были еще перечни, но я остановлюсь только на двух абстрактных формулировках: свободы и справедливости. И все, без расшифровки, без конкретизации, просто как бы в лучшем случае подозревается, что мы все понимаем, о чем идет речь. Хотя вы понимаете и сами, что такие абстракции в таком, как говорится, серьезном контексте президентского дискурса фактически не работают. Хотя примечательно, что даже эти абстрактные понятия сопряжены между собой в антиномическом противоречивом ключе. Потому что свобода и справедливость – это фактически взаимоисключающие понятия. Через запятую их можно ставить только в одном смысле, а именно в смысле, как я это называю, антиномической конъюнкции, антиномического соединения. Я не буду расшифровывать, я надеюсь, философская аудитория поймет. В данном случае я просто хотел подчеркнуть примечательность того, что даже самые абстрактные формулировки в положительном смысле русскости, не антизападническом, о чем я вообще сегодня говорить не буду, а именно в положительном, даже они на абстрактном уровне говорят об антиномичности.

И в этой связи мне бы тоже хотелось подчеркнуть, что на официальном уровне тот разговор о защите традиционных ценностей, особенно семьи, для меня как философа тоже выглядит жалким зрелищем. Потому что это смешно, мы погибаем, наши лучшие ребята, наши профессионалы сейчас погибают за так называемые традиционные ценности. Простите, это маловато будет. Да, сейчас Запад поставил их под вопрос, но это не значит, что человечество поставило, Запад – это не все человечество. Что, скажем, в исламском мире, в буддистском мире семейные ценности утратили свое значение? Конечно, это не так. В данном случае связывать с русскостью защиту традиционных ценностей семьи, наличие отца и матери в семье, согласитесь, это не более чем общечеловеческая формулировка, никак не связанная, собственно, с русскостью, основной темой моего выступления. И в данном случае это опять говорит, как и в случае с предыдущими понятиями свободы и справедливости, о том, что у нас при всем наличии философского потенциала, администрации президента и тех, кто там занимается идеологией, на

выходе получается пшик, причем это опять пшик в антиномическом ключе, п-шик, то есть шик как п-шик, как ничто, гламур как ничто. Но тем не менее это сейчас заявлено, я бы не сказал, что это работает, но хотя бы какую-то пустоту, какую-то бездну занимает. И вот теперь я хотел бы перейти уже непосредственно к позитиву.

Здесь я сразу бы хотел вернуться к своей ключевой мысли об антиномичности. Я, собственно, не считаю себя традиционным русским интеллигентом, классическим, я имею в виду тех, которые свой генезис ведут от господина Новикова и компании, то есть московских мартинистов. Я занимаюсь в рамках докторской диссертации ученой монашеской школой митрополита Платона, тоже времен Новикова, это вторая половина XVIII века. Именно из их текста я выявил то, что потом назвал русский логос, то, что я потом назвал русское понимание Бога, то, что есть русское понимание личности и, соответственно, русское понимание социума или мира. Подчеркиваю, из текстов наших ученых монахов второй половины XVIII века, которых тогда возглавлял Московский митрополит Платон, затем эстафету принял его лучший ученик, всем гораздо более известный, святитель Филарет Московский. Повторяю, выводы, о которых сейчас буду говорить, я почерпнул именно из нашей живой традиции, не высасывая их из пальца в духе Соловьева и Достоевского, апеллируя к так называемой шеллингианской концепции, хотя она свое девичество имеет в неоплатонизме, апеллируя к так называемой концепции всеединства. Простите, с чужим уставом я не хочу идти в свой монастырь. Я в данном случае не буду заниматься критикой идеи всеединства, которая легла в основу русской идеи и, к сожалению, до сих пор ложится в основу русской ментальности. В данном случае мне достаточно обозначить ее неоплатоническое происхождение, что наш Соловьев подхватил уже, правда, через руки Шеллинга. Это, я еще раз повторяю, грустно.

Для меня это отдельная тема, но если говорить о евразийстве, то это опять все заимствовано, это опять не имеет русской методологической, русской логической базы. В рамках докторской, затем в рамках своих уже десяти книг я показал, что такое русский логос. В данном случае я специально хотел бы подчеркнуть безднумие этого русского логоса, бездна ума, безумная бездна ума, безумная бездна логоса, бездна разума. Формально открытие сделал не я, его сделал Николай Александрович Васильев в начале XX века. Я имею в виду принципиально новую логическую связку есть и не есть за раз. У нас до сих пор в мышлении существует, что называется, черно-белый фон. В музыке – семь нот, у нас в мышлении – две ноты, а именно, связка положительное и связ-

ка отрицательное, есть или не есть. Васильев формализовал это (дурную услугу ему сыграло увлечение неокантианством), исключительно связав это с так называемым воображаемым началом, свое гениальнейшее открытие третьей принципиально иной, принципиально отличной связки – есть и не есть за раз. И с этим формальным аппаратом, обращаясь к текстам ученых монахов прежде всего, я вдруг обнаруживаю, что, например, всем вам известное понятие самоотвержение, типичный, так сказать, православно-христианский догмат, одновременно включает в себя динамику вот этого самого есть и не есть за раз. Это самоотвержение и не самоотвержение одновременно, о чем, кстати, митрополит Платон в одной из своих проповедей прямо говорит. Я недавно издал книгу под названием «Митрополит Платон и ученая монашеская школа». Я, собственно, там дал свои комментарии к их текстам, включая не только Платона, но и Михаила Черниговского, и Амвросия Подобедова, и Августина Виноградского. В данном случае я не буду заниматься буквоедством, а просто отсылаю к этой книге. В ней я текстуально выявлял вот такие отрицательно-положительные концепты, как, скажем, самоотвержение. И даже русское слово «понятие» радикально отличается от более нам привычного слова «термин», то есть конец, подчеркивающий непротиворечивую эссенцию, непротиворечивую содержательность этого понятия. В случае с русским логосом, в случае с русской формой суждения, понятийной и, соответственно, с логической связкой, есть сплошная принципиальная динамика. Причем в данном случае я бы хотел подчеркнуть, что поскольку эта противоречивость, эта отрицательно-положительная форма суждения постоянно повторяется, то сохраняется, как говорил старик Кант, минимальный уровень рациональности, а именно закон тождества. Речь идет о том, что русский логос заключает в себе постоянную тождественно равную себе противоречивость, в форме отрицательно-положительного суждения, с отрицательно-положительной связкой и концептами, тоже включающими в себя антиномическую конъюнкцию.

В этой связи я в рамках докторской диссертации вышел на формулирование уравнения русской идеи, как раз через эту особую васильевскую формулу, а именно, *S есть и не есть за раз P*, где P и S представляют из себя антиномическую конъюнкцию, соответственно S и не S и соответственно P и не P. Причем в обоих случаях эти понятия идут в n-й степени, с учетом, как я уже говорил, динамичности, их постоянно тождественной себе самой непротиворечивости в виде постоянного противоречия. И, соответственно, это и есть суть русского логоса, которая наиболее наглядно, я бы сказал классически, была представле-

на в текстах ученых монахов, чьи имена, далеко не все, я обозначил. Я сейчас не буду здесь обозначать догматические моменты, связанные действительно с православной традицией, а подчеркну, что то безумие для эллина и соблазн для иудея, о котором говорил апостол Павел в Первом послании к Коринфянам, в данном случае приобретает очень конкретные рациональные черты, в виде не просто безумия, как иррационального противоречия, а особой, специфически православной и, следовательно, русской логики – *есть и не есть за раз*.

И с этой точки зрения мы выходим на концерт русского Бога, в его, как вы понимаете, положительно-отрицательном ключе. Русский Бог для меня не просто апофатичен и не просто одновременно апофатичен и катафатичен, а именно – я опять же специально придумываю неологизм – *апофактичен*, тем самым подчеркивая, что русский Бог, он фактически апофатичен, фактически, непосредственно, так сказать, представляет из себя богоявленность. И с этой точки зрения и само понятие бытия тоже приобретает динамический смысл постоянного восстановления, что в греческом языке, слава Богу, имеет адекватное выражение в виде *genesis* (генезиса). То есть и само понимание русского бытия есть генезис, оно постоянно возникает, постоянно становится, без всяких потом следующих, вслед за Гегелем, синтезов, опять же непротиворечивого характера, постоянно этого возникновения.

Отсюда разговоры о вечной молодости России, хотя это смешно, поскольку нам уже, слава Богу, не одно тысячелетие. Но нет дыма без огня, и вот эта наша вечная молодость, заложенная в этом понимании бытия, вечного постоянного возникновения, становления, никуда не девается. И поэтому мы как бы слышим гром, не зная, где он, как братья-славянофилы пытались, в общем-то, сводить все к молодости в однозначном ключе, следуя в данном случае (я специально хотел бы этот момент подчеркнуть) именно языческой, иудаистской традиции единства с культом закона непротиворечия. Опять же это один из, может быть, главных и самых глубинных идолов нашего сознания, «идолов» я, естественно, употребляю в отрицательном значении, идолов, которых мы даже не пытаемся до сих пор преодолевать. И братья-интеллигенты, начиная с Новикова и компании, нам это наследство в кавычках, безумные, оставили, с его разрешением противоречий, неважно в каком ключе, в том числе и диалектическом. И поэтому, когда я сейчас специально подчеркиваю понимание русского Бога и русского бытия в их противоречивом, постоянно противоречивом ключе, апофактическом и генезисном, этим я хотел бы еще раз подчеркнуть, что тут нет пресловутого культа непротиворечия. Я написал целую книгу по

поводу разоблачения этого культа единства, культа непротиворечивости, который нас бьет до сих пор. И в данном случае я бы хотел подчеркнуть, что апелляция к здравому смыслу, то есть непротиворечивой форме суждения с ее ясностью, и является для меня самым настоящим безумием, к которому наша история, к сожалению, постоянно подводила и страну, и народ. Я еще раз хотел бы подчеркнуть, что русское стремление к здравому смыслу в виде любой формулы непротиворечивого суждения, неважно, марксизм это или славянофильство, или евразийство (повторяю, для меня все черти одинаковы), постоянно приводит к катастрофам, постоянно приводит к накладкам.

В данном случае я даже не говорю о либерализме, о котором, я думаю, много сейчас будут рассуждать братья-философы, в открытые ворота ломаясь, что мне до сих пор смешно. Философ не вламывается в открытые двери, это очевидно. Я в данном случае хотел бы сказать, что понимание русской личности в ее антиномичности я бы свел к действительно всем известному типу, такому как юрод, но только во Христе. Хотя были юродивые настоящие, но не канонизированные церковью, все же очень много было и псевдоюродства, а именно того самого безумия, которое было заложено в названии моего сообщения. И в данном случае, подчеркиваю, я понимаю это безумие в негативном смысле, как решение почти идолопоклонническое любой противоречивости в качестве заведомого негатива, в качестве заведомой лжи, неадекватности и всего прочего. А о юродивых я тоже написал целую книгу – «Тысячелетие царства русского юродства», вышедшую в 2018 году. В ней я просто показал, что, в общем-то, в основе русского юродства лежит опять антиномия, сформулированная апостолом Павлом, только уже в Послании к Галатам как распятие мира. То есть, когда юрод в глубине социума, это не монах-отшельник, он как Василий Блаженный, более того, еще и ходит абсолютно голый, так называемый нагоножец, кто помнит его церковное, как говорится, прозвище. И при этом он этот мир изнутри преображает, прежде всего своей личностью, своей аскезой, своим распятием мира, своим отрешением, той самой самоотверженностью от всевозможных благ этого мира, которые, кстати, Василию и другим юродивым во Христе постоянно текли ручьем.

Другое дело, что у нас эта традиция юродства сейчас сводится опять к однозначному негативу. У нас слова «юродивый», «юродство» даже в обиходе, даже во многих советских фильмах негативные, это даже не апелляция к русскому дураку. Хотя там фактически мы тоже имеем дело с особым, уже народным, фольклорным, типом юродивого, неважно, Ивана-царевича или Иванушки-дурачка. В эту тему я тоже не буду уг-

дубляться. За этим стоит как раз эта распятость мира, как помните, Иванушка, которому все было до лампочки, которому на все было наплевать, именно поэтому оказался победителем. И говоря о русской личности как юродивой, сразу хочу вспомнить самый гениальный, может быть, образец этой личности (помимо, естественно, юродивых во Христе, святых юродивых во Христе), нашего Александра Васильевича Суворова, который действительно был потрясающим юродивым в полном смысле этого слова. Именно потому, что ему в этом мире ничего не надо было, за победы он не цеплялся трясушимися руками какого-нибудь стратега и тактика, именно поэтому он побеждал. То же самое (это уже более простой пример, поскольку он канонизирован) можно сказать о Федоре Ушакове. И вообще эта проблема русского геройства на примере юродства в лице, точнее в лике Суворова, не только Ушакова, действительно требует дальнейшего осмысления.

В этом плане я не могу не развести руками, когда нашим героям в качестве главной мотивации подвига дают шикарную зарплату. Это не по-русски, и это отдельный разговор. Я только напомним простой факт, что когда наши отцы побеждали во Второй мировой войне, что-то я не помню, чтобы им платили хорошие зарплаты, и более того, я лично знал двоих ветеранов, которые просто оскорблялись, когда с 1965 года началась волна так называемых государственных льгот. Они их называли подачками. Их главный вопрос был: «Мы что, за это воевали, за то, чтобы на старости лет у нас были особые пайки?» И будь я представителем той же советской власти, думаю, я бы просто получил по морде и, поверьте, не обиделся бы. И когда сейчас это происходит, это не просто вопрос о русской личности, они русские герои, в общем-то, если они даже и получали потом какие-то дивиденды, но это было потом, когда они уже осуществляли свои героические поступки, а не когда уже заранее могли это знать. Потому что в противном случае это называется не русский воин, а русский наемник. И мой любимый император, Петр Алексеевич, это как никто понимал. Если вы помните, слабость стрельцов как регулярного войска заключалась в том, что они сидели на хороших окладах. Именно поэтому стрелецкое войско уже в те времена было, как говорится, недееспособно. Мы сейчас возвращаемся к стереотипам стрелецкого войска при всей нашей приверженности петровскому наследию.

И, соответственно, уже выходя на концепцию русского мира, русского социума, вы понимаете, что он тоже насквозь антиномичен. Я не случайно упомянул Петра I, создавая империю, выражаясь словами Пушкина (без него не обойтись в разговоре о русскости), Петр создал

империю свободы. Только не свободы благополучного материального жития, как многие считали, а творческой свободы, тайной свободы. Петр создал шедевр исторического творчества для творцов, и только творцов. И в данном случае Пушкинский «Медный всадник» об этом. Только человек в России хочет нормальной человеческой жизни, как тот бедный Евгений, хотя, вырожденец и дегенерат своих боярских предков, он сразу же безумен, поэтому плохо очень заканчивает. И дело не просто в наводнении, у Пушкина наводнение не более чем образ. Дело в принципе, что Петр создал империю только для творцов, не для нормальной человеческой жизни, что мы, к сожалению, сейчас декларируем в своей конституции чуть ли не как главный постулат. И отсюда все наши беды последних тридцати лет. Наши предки жили не ради куска, так сказать, более или менее жирного, с маслом, а жили ради творения. И кстати, было восемьдесят процентов крестьянского населения, и я апеллирую к вашему представлению о сельском хозяйстве, а сельское хозяйство – насквозь творческое, это творческий процесс. Вы можете все посеять, все сделать по алгебре, поверяя гармонию, как Сальери, но где гарантия, что у вас на выходе будет супер-урожай? Вы знаете, что всё в руках Божьих. Не случайна русская поговорка: цыплят по осени считают. Так что крестьяне, будучи так называемым подлым людом, будучи самыми простыми мужиками, непосредственно в своей трудовой деятельности были не чем иным, как такими же вдохновенными творцами, не знающими, чем кончится их текст в виде очередного осеннего урожая.

То же самое можно сказать и о промышленности, это длинный разговор. Когда не было этой пресловутой автоматизации, не было того самого компьютерного принципа «вход равен выходу», профанации производственной деятельности, везде царил творчество. Вы прекрасно понимаете, что мы достигаем вершин в науке, в искусстве, я уж не говорю про военное дело, именно благодаря вот этому благоприятствованию, творческой тайной свободе для каждого. И опять же в основе этого социума лежит распятие миром, самоотвержение, и в данном случае понятно, что без этого безумия не обойтись. Как только в России хотят нормальной человеческой жизни, то, что было в 1917 году, в 1991 году, получают, как бы сказал наш президент, сугубые, в двойном варианте, исторические и геополитические катастрофы, не иначе.

Таким образом, я бы еще раз хотел подчеркнуть, что вот это стремление к здравому смыслу, начиная с логического закона непротиворечивости ваших рассуждений, с выходом затем на такую же здравомысленность в быту, в обиходе, в социуме в виде нормальной человеческой

жизни, а-ля бедный пушкинский Евгений, уже сама история показывает, что все это заканчивается катастрофой и не иначе. И сейчас тоже, как сейчас говорят вслед за Аристотелем, экзистенциальные времена. То есть вы знаете, из физики понятие форма движения, возникновения и развития, или да, или нет. В данном случае мне бы хотелось подчеркнуть, что речь идет не просто об экзистенциальном, а об эсхатологическом моменте. Та самая концепция третьего Рима, действительно русская концепция третьего Рима, она хороша не только тем, что старец Филофей ее сформулировал, а тем, что (кстати, Бердяев это понял) речь шла об эсхатологичности русской истории, о том, что она как постоянно возникает, так же и постоянно заканчивается, это нормально. В данном случае я бы хотел сказать, что мы имеем дело не просто с обреченностью экзистенциального толка, того, что нас с лица земли сметут, а с тем, что так жили наши предки. И в данном случае, если опять абстрагироваться от концепции третьего Рима, возьмите после моего сообщения обычный молитвослов: каждое утро наши предки, пробуждаясь ото сна, благодарили Бога за то, что они проснулись. Понятия линейного времени не было, каждый день был как дар Божий, каждый день был чудо. И поверьте, люди жили не просто с этим *memento mori*, помня о смерти, это мягко сказано, это обтекаемо, они просто жили, действительно каждый день как последний, последний именно в творческом накале, творческом измерении, и не иначе. И даже собираясь на ярмарку, они это делали как смертельно опасные больные, прекрасно понимая, что какие-то разбойнички могут напасть, мало ли что может случиться, и в этом не было какого-то пессимизма, какой-то нацеленности на плохое, это было нормально, потому что действительно жизнь человеческая – дар божий. Наши предки это понимали не как метафору, а в том смысле, что само время нелинейно.

А в России эта эсхатологичность, особенно зафиксированная у Филофея в концепции третьего Рима, действительно предполагала постоянный квантовый, я бы сказал, характер, скачкообразный, прерывистый, в любой момент мы можем, грубо говоря, умереть, как в любой момент мы можем и заново родиться, воскреснуть, получить второе дыхание в каком-то творческом диапазоне, даже на уровне быта, на уровне сельхозработ. Я называю фундаментальную работу отца Сергея Булгакова «Свет невечерний», а особенно «Трагедия философии». Также Флоренского, который эту тему обозначил в антиномиях в «Столпе и утверждении истины», но гораздо больше он на эту тему рассуждал в работе уже более поздних периодов, и уже, скажем, свой «Иконостас» он писал исключительно в антиномическом ключе. Лосева с его фило-

софией мифа. И, повторяю, даже Ильин, при всем своем гегельянстве, которое он впитал с молоком матери, в «Лекциях о русской культуре» выдвигает на первый план юродство, образец русской личности, русского менталитета, на первый план выдвигает противоречивость, хотя все равно к какому-то синтезу он пытается прийти, но не приходит, и Слава Богу.

Я повторяю, что после 1917 года одним из проявлений осмысления нашими классиками этой катастрофы было то, что они понимали, что за этим должна стоять антиномичность. Другое дело, что, сказав «А», они не сказали «В». Они не вышли на традиции нашего ученого монашества вот в этом антиномичном ключе, они не знали Васильева, хотя Флоренский его лично знал, но до открытия Васильевым его принципиально нового рационализма, они были как поэты, как символисты в середине нулевых прошлого века, так сказать, а потом разошлись, к сожалению. Тем не менее это все равно показатель, что наши великие философы, которых мы все почитаем, обозначили этот вектор, причем у Булгакова в «Трагедии философии» прямо было сказано, что другого пути сейчас у нас нет, кроме как антиномичность. А мы сейчас с вами, господа философы, до сих пор желаем просветительского проекта ясности и понятности, постоянно апеллируем в своих выводах по поводу русскости к непротиворечивым формулам, поэтому имеем то, что имеем.